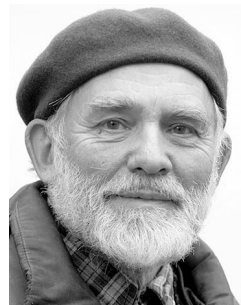

Леонид
Леванович

ВЕЧЕР В КОКЧЕТАВЕ

1

За окном густели светлые октябрьские сумерки. По-белорусски время суток, когда день переходит в ночь, называется шарай гадзінай. Эти мгновения напминают дорогу через поле вдоль леса: с одной стороны – тёмная стена деревьев, с другой – ещё светлое, но уже серое, темнеющее поле.

В комнате сгущался мрак, но свет включать не хотелось. На столе темнел радиоприёмник в форме глобуса. Был он голубой, как и наша планета Земля. Подарили его земляки после литературного вечера. Повернул рычажок, и «глобус» ожил: отрывистый женский голос торопливо сообщал о войне между Грузией и Абхазией, о массивированной бомбардировке армянского города, которую провели азербайджанцы, о тревожном положении в Таджикистане: в Курган-Тюбе сотни убитых...

Отрывистый, равнодушный голос будто торопился побольше низвергнуть на голову ужасных новостей. Неужели это правда? Я повернул рычажок назад – «глобус» тихо щёлкнул и затих.

Когда-то я много ездил по советской стране, но в Таджикистане не был. Вспомнился случайный знакомый Саид, с которым пил чай в Кокчетаве. Где он теперь? Как ему живётся?

2

Наш самолёт вылетел из Алма-Аты с опозданием, потому рейс из Кокчетавы в Москву отложили на шесть часов – вместо восемнадцати на двадцать четыре. Уныло стоял я перед громадным стендом, изучая расписание рейсов самолётов. Рядом две девушки тоже всматривались в расписание и тихо переговаривались между собой. Одна из них, стройная блондинка с пышным хвостом русых волос, глянула на меня, что-то шепнула подруге, обе заулыбались.

– Вы до Москвы? – спросила блондинка.

Я кивнул.

– В город не думаете съездить?

Такое предложение незнакомых девчат меня не удивило. Я был переполнен впечатлениями от встреч с новыми знакомыми, потому что целых три недели путешествовал по Казахстану. То ли мне везло, то ли время было такое, но везде меня встречали и провожали с искренним, душевным гостеприимством. И не только

земляки-белорусы, но и казахи. Я чувствовал себя большим должником перед теми добрыми людьми, с какими свела судьба в степях и городах Казахстана.

Вскоре мы ехали на такси в Кокчетав. По местному времени было около девяти вечера. Мутно-багряное солнце, словно уставшее, распаренное за день, спряталось за домами, и только острые макушки тополей освещали его лучи. В парке заиграл оркестр, но танцплощадка ещё была пуста, хотя вокруг неё стайками ходили девчата, стояли и курили парни.

Я предложил своим спутницам побродить по улицам, девчата согласились. Блондинистую звали Галей, потемней волосами – Верой, обе москвички, работают в каком-то конструкторском бюро, – боже, сколько у нас развелось конструкторов! Я сказал, что работаю сантехником в домоуправлении, был здесь в гостях. Город они знали лучше меня, отдыхали в санатории «Боровое», где им очень понравилось, в Кокчетав наезжали в магазины.

Галино лицо мне показалось очень знакомым: то ли видел её раньше, то ли на кого-то была похожа. Но на кого? Не мог сообразить. Галя словно почувствовала, что я думаю о ней, всё говорила и говорила. Пересказала услышанную от экскурсовода легенду о сотворении Казахстана. Когда Аллах создал мир, то одним народам достались богатые леса, плодородные поля и широкие реки, другим – красивые горы и голубые озера. Казах получил только степь. Обидно ему стало, начал просить создателя, чтоб и ему дал хотя бы частицу природной красоты. Аллах выгреб со своего меха всё, что оставалось, и бросил среди бескрайней степи остатки гор, скал и кристально чистых озёр, разбросал изумрудные луга, ручьи с холодной водой, горы населил дичью, озёра – рыбой. Живи, казах, да радуйся.

Легенду эту я знал, но сделал вид, что слышу впервые.

– Кокчетав по-казахски – синие горы, – показала свою осведомлённость и Вера и тут же добавила: – А синих гор я здесь не видела. Они скорее буро-зелёные.

– А про Алексея Клещёва вам не рассказали? – перебил я словоохотливых девчат.

– Нет. А кто это такой? Космонавт? – заинтересовались они.

– Это мой земляк. Белорус. Знаменитый партизан. Герой Советского Союза. Был председателем Совмина Беларуси. Чем-то не угодил Хрущёву или ещё кому. Ну и выперли его в Москву на учёбу. А потом в Кокчетав – первым секретарём обкома партии. Я здесь слышал о нём много добрых слов, отцом его называли. Он смело выдвигал национальные кадры. Теперешние казахские лидеры – его ученики. При нём посадили в городе много деревьев.

– А где он теперь? – повернула ко мне русую головку Галя и очень внимательно посмотрела на меня, сантехника.

– После выхода на пенсию жил в Москве. Уже умер.

Девчата притихли, видимо, обдумывали услышанное. Мы бродили уже около часа, и я порядком набил ноги. В лесу, бывает, день ходишь и так не устанешь, как в городе по асфальту за час. Мы проходили мимо ресторана «Центральный», я предложил поужинать.

Людей в зале было немного, мы сели за свободный столик, заказали бешбармак и бутылку молдавского каберне. Когда принесли бешбармак, я сразу убедился, что блюдо не такое, каким угощал меня мельник Беркутбай. Рассказал девчатам о семье мельника: у него девять детей, он – казах, жена – татарка. Собеседницы слушали внимательно, и это воодушевляло меня.

– Такой был вкусный бешбармак. Мясо таяло во рту. Язык можно было проглотить. И это не всё. Потом был каймак. Знаете, что это такое?

– Давали как-то в санатории. Что-то жёлтое, вроде омлета, – сказала Вера, её полноватая фигура свидетельствовала о том, что девушка любит вкусно поесть.

– Это сливки, томленные с мукой, яйцами. Очень вкусное блюдо. А под бешбармак, ясное дело, пропустили по чарочке. Чистой, как слеза. А под каймак пили водку с мёдом.

– Ну, мёд и водка... Слишком контрастно, – улыбнулась Галя.

– Да, согласен. Но контраст, скажу я вам, бесподобный.

Заиграл небольшой, но громкий оркестр. Девчата заёрзали на креслах – захотелось потанцевать. Пока я раздумывал, кого мне пригласить, к столу подошли двое молодых парней и увели моих попутчиц. Оркестр играл с надрывом, мелодия едва угадывалась, но это не мешало танцорам. Потом длинноволосый смуглый скуластый юноша затянул хрипловатым баритоном «под Высоцкого»: «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз...» Дурацкая песня, подумалось мне, у человека должен быть свой дом, своя улица. Свой родной край...

Мне стало грустно, захотелось скорее вернуться домой. Мои девчата пользовались успехом, отбоя от кавалеров не было. Правда, когда объявляли «дамский», они приглашали только меня. А между «дамскими» я сидел один и вспоминал угощение у Беркутбая. «Друг. Друг... Живём один раз. Один страна у нас. Надо жить дружно», – Беркутбай деликатно обнял меня за плечи, его зелёные глаза под тёмными, прямыми, как стрела, бровями, светились тепло и ласково.

Наконец оркестр ушёл на перерыв. Девчата сели за стол. Мы допили вино. Раскрасневшаяся Галя воскликнула:

– Ой, мне совсем весело стало! Давно не пила ничего кроме минералки и кумыса. Хорошее вино – каберне.

Я сказал, что каберне пьют космонавты и подводники. Рассказал про винный завод недалеко от Кишинёва, где под землёй зреет вино в громадных бочках, шампанское набирает силу в бутылках, которые лежат в своих гнёздах, там есть проспект Алиготе и проспект Каберне.

– Хочу на проспект Каберне, – капризно наморщила пухлые розовые губки Вера.

– А я на проспект Алиготе, – тряхнула светлым хвостом волос Галя. – И чтоб рядом были вы, наш дорогой сантехник.

Признаюсь, и у меня шевельнулось подобное желание. Оркестр заиграл снова. Девчата потянули и меня в круг. Наконец объявили последний, прощальный танец. Девушки настойчиво приглашали меня, но в круг им пришлось идти вдвоём. Оркестр резал изо всех сил. Танцоры толклись, как комары весенним вечером, – по народным приметам, будет тёплый, погожий денёк.

Я наблюдал за распаренной толпой, в центре которой отплясывала Галя – в скромном коричневом платье, стареньких белых босоножках на стройных загорелых ногах. В движениях её рук и тела было столько грации, чувства собственного достоинства и чувства ритма, – безладная толкотня вокруг только подчёркивала Галино мастерство.

Музыканты резали всё быстрее, многие танцоры, обессиленные, измочаленные, сошли с дистанции – то есть вышли из круга, но мои москвички не сдавались. Оркестр вдруг грянул «Очи чёрные». Галя ринулась в круг, как в омут. Глаза её

сияли, уста улыбались, руки словно птицы, кружили над головой. И столько озорства, лихости, мастерства было в её танце, что я невольно залюбовался и пожалел, что уже не «маладзюсенькі», не хожу «халасцюсенькі». Любовался не только я. Когда оркестр резко оборвал мелодию, раздались громкие аплодисменты.

И тут я вспомнил, кого напоминала Галя: мою землячку, очаровательную белорусочку, знаменитую певицу Марию Пахоменко, которая живёт в Ленинграде. Я видел её только по телевизору. У Гали было такое же открытое лицо, высокий лоб, пышные русые волосы и милая, обаятельная улыбка.

3

На улице к нам подошли два парня, вежливые, серьёзные. Я заметил их в ресторане: сидели вдвоём за столик, беседовали. В круг к танцорам не выходили вовсе. Слово за слово, разговорились, познакомились.

– Меня зовут Саид, – сказал коренастый с короткими тёмными волосами.

Глаза у него были тёмные и очень грустные.

– А я – Михаил, – назвал себя другой парень, рослый, худощавый, бело-брысый.

Оба инженеры, вместе работают. Саид вчера вернулся из командировки, а дома записка от жены: уехала в Курган-Тюбе на похороны, умер отец.

– Такое настроение ужасное. Всю ночь не спал. А сегодня к Мише зашёл. Посидели в ресторане, – говорил Саид, деликатно держа меня под руку. – Я недавно маму похоронил. А бабушка ещё живёт. Ей девяносто восемь лет. Как она плакала, бедная: «Это же мне надо было умереть. А я живу...»

Михаил с девушками шёл впереди, о чем-то рассказывал, собеседницы тихо, нерешительно смеялись. Хорошо, что не гогочут, подумал я, а то Саид мог бы обидеться, но девушки же не слышали нашего разговора. Я спросил, откуда родом бабушка, и услышал в ответ: она тоже родилась в Курган-Тюбе. Я спросил не просто так – вспомнил друга детства Саида, его мать была наша деревенская женщина. После медучилища она служила в армии, полюбила молодого лейтенанта-таджика. Когда освободили нас от немцев, приехала с малым Саидом к матери, работала в местной больнице.

– Мы страшно голодали после войны. Немцы сожгли деревню. Жили в землянках. Весной собирали в поле перемерзшую, подгнившую картошку. Хлеб пекли из козельца – конского щавеля, – рассказывал я Саиду. – Летом опухали от голода. Конфет мы в глаза не видели. Однажды мать купила Саиду подушечек. Были такие конфеты, толстенькие, с разноцветными полосками. И вот он выбежал на улицу с конфетами. Мы, голытьба, смотрели и облизывались. И тогда Саид начал разламывать подушечки напололам и угощать всех. Дивный вкус той половинки конфеты помню и теперь...

Саид слушал очень внимательно, и мне казалось, лицо его посветлело.

– Война сблизил нас, – сказал он задумчиво.

На улице было много голосистых, весёлых девушек и парней: закончились танцы в парке, сеансы в кинотеатре. Я удивился, как много в Кокчетаве молодёжи! Понемногу улицы затихали, ночь готовилась повернуться на другой бок, а у нас в запасе было почти три часа.

– Давайте зайдём ко мне, – предложил Саид. – Угощу чаем по-казахски.

– С таджикским акцентом, – добавил Михаил.

Девчата начали отказываться, в нерешительности молчал и я.

– Ну что вы будете делать три часа? Я живу здесь рядом. Вот моя Пролетарская улица. Телефон есть. Вызовем такси и поедете, – убеждал Саид.

Я подключился к уговорам, и девушки согласились. Дом, где жил Саид, действительно оказался близко, и вскоре мы сидели в скромной двухкомнатной хрущёвке.

– К сожалению, гости дорогие, настоящий чай не получится. Сливок нет. Да и масла тоже. Зато есть мёд. Вы говорили, что мой тёзка угощал вас половинкой конфеты. А я угощаю мёдом. В Казахстане мёд отличный.

Галя незаметно подмигнула мне, мол, контраста не будет. «Не всё коту масленица», – шепнул ей на ушко, прикрытое русой прядью волос. И у меня вдруг возникло дерзкое желание – поцеловать это ушко.

Между тем Саид выставил на стол литровую банку мёда. Был мёд прошлого года, беловатый, засахаренный, но очень духмяный, горьковато-сладкий, даже пощипывал во рту – верный признак качества.

За чаем говорили про житьё-бытьё, зашла речь о политике.

– Нам бы руководителей помоложе да помудрее, – вздохнул Саид. – Наш Кунаев в возрасте. А Черненко вообще еле ходит. Говорит тяжело, дышит, как загнанный конь.

– Не зря же говорят: Кремль – дом престарелых. Слышали анекдот про Брежнева? – Михаил оглядел слушателей. – Стоит Леонид Ильич у зеркала: «Говорят, что я стар. Это неправда. Я – суперстар!»

Девчата тихо засмеялись, заулыбались.

– Да, руководителей надо помоложе, – решительно сказала Галя. – Я за Романова. Симпатичный, молодой.

– А я за Горбачёва. Ещё моложе, – не согласилась с подругой Вера.

Я не успел высказаться, как зазвонил телефон: такси вышло. Время пролетело незаметно.

– Ой, доставили мы вам забот. Не выспитесь из-за нас, – сокрушались девушки, наперебой благодарили кокчетавцев за гостеприимство.

– Ничего. Выспимся. Такое случается редко, – взволнованно говорил Саид. – Приезжайте ещё. Запишите адрес...

– Мой адрес тоже запишите, – подступил ко мне Михаил. – Приезжайте поглядеть на малыша.

Мы уже знали, что жена Михаила беременна, сейчас в деревне, в декретном отпуске.

Я дал свой минский адрес, девчата назвали номера московских телефонов. Вскоре мы ехали по тихим улицам ночного Кокчетавы. Свежий ветер дышал в лицо.

– Чудесный вечер! Ничего подобного у меня никогда не было, – воскликнула Галя.

– А мы же совсем незнакомые люди. Я так боялась, – призналась Вера. – Спасибо вам, наш дорогой сантехник. О, есть вопросик. Скажите честно, какой вуз вы кончали?

Пришлось признаться, что я окончил журфак университета.

– Я так и подумала! – заулыбалась Галя. – Ну когда вы про земляка, секретаря обкома, говорили. Сантехнику было б до лампочки, кто здесь был, сажал деревья... И у меня тоже вопросик. Только честно. Кто у вас дома – жена? Дети?

– Есть жена. И две дочери.

Таксист, молодой парень в белой рубаше в темную полоску, посмотрел на девчат, на меня, но ничего не сказал. Не задавали больше вопросов и мои спутницы.

Мне хотелось повторить слова Гали: ничего подобного не было и со мной. Несколько часов назад я не знал девчат-москвичек. Не знал Саида и Михаила. Я понимал, что мы больше никогда не встретимся. Вскоре мы сядем в самолёт, будем сидеть в креслах, как семечки подсолнуха в своих ячейках. И будем лететь домой.

Сказка кончилась.

4

Я смотрел на молчащий «глобус», потом взял его в руки, погладил блестящий металлический обруч – экватор. Разглядывал приёмник, будто видел его впервые. На тёмной подставке с левой стороны светлые абрисы города, латиницей написано – Tallinn. Я служил в Таллине матросом. Сколько побродил по его улицам! Когда был в увольнении, чаще всего блуждал по старому городу, где узкие улицы, мощённые булыжником, дома с узкими окнами венчали красные черепичные готические крыши. Здесь всё дышало стариной.

В Матросском парке знакомился с эстонскими девушками, очень вежливыми, тактичными. Конечно, мне хотелось пригласить девушку в кино, но деньги я берёг для похода в концертный зал «Эстония», в театр «Ванэмуйне», где сидел с наушниками, слушал перевод на русский язык. По служебной книжке да плюс письменной рекомендации замполита я стал читателем Таллинской городской библиотеки. Вспомнилось, как однажды метельной морозной ночью нас подняли по тревоге – разгружать на станции вагоны с углем, помогали шефам – заводу «Вольта». Нет, я не чувствовал себя в Эстонии оккупантом.

И вот теперь Эстония, Таллинн – зарубежье, пусть себе и ближнее.

Снова включил приёмник, нашёл голос «из-за бугра». Женщина-репортёр спрашивала у американцев, что они думают о реформах в России. Один ответ очень удивил: в Америке много сторонников социализма, не всем нравится рыночная экономика, и если в России рыночные реформы потерпят крах, то сторонников социализма в Америке будет ещё больше.

Затем диктор-мужчина сообщил: президентом Эстонии избран Ленорт Мэри, а это значит, что Эстония навсегда прощается со своим «коммунистическим прошлым»... В Таджикистане положение напряжённое, в Курган-Тюбе продолжается перестрелка. Может, в этом городе живёт мой друг детства Саид, которого вскоре вместе с матерью отец увёз к себе домой. Ни мать, ни он больше в деревню не приезжали.

Я снова вспомнил Саида из Кокчетавы: интересно, как ему живётся? Вспомнил таджика Джуру Алимова, с которым служил в Таллине. Мы вместе выступали на сцене. Однажды мы давали концерт для наших шефов – рабочих завода «Вольта». Я читал басню Кондрата Крапивы «Махальник Иваноў» на белорусском языке, а Джура исполнял песни из фильмов Раджа Капура. И мне, и ему дружно аплодировали.

Захотелось отыскать фотографию Джуры. С небольшой пожелтевшей карточкой на меня смотрел темноглазый, с тонкими нитками усов под коротким прямым носом юноша в бескозырке, лихо сдвинутой на бок. Весёлый, подвижный, как ка-

пелька ртути, старший матрос Джура Алимов. На фотокартке надпись: «Дорогому другу... на вечную память. Таллин, апрель 1961». Бог мой, это же тогда Гагарин полетел в космос! Сколько было радости! Мы все обнимались по-братски...

Я решил обязательно написать письмо Саиду в Кокчетав. Адрес Джуры не нашёл, да и пролетело больше тридцати лет.

Назавтра я получил письмо из Казахстана. Директор музея совхоза «Минский» Целиноградской области Алла Фёдоровна поздравляла меня с днём рождения. Почта теперь работает слабовато, как и всё в нашем разлаженном хозяйстве, и поздравление опоздало почти на полмесяца, но всё равно было приятно. Я достал два конверта – решил отправить два послания в близкое зарубежье – в Казахстан.

Из приёмника-глобуса лилась тихая мелодия. Затем прозвучали позывные «Маяка», диктор прочитал прогноз синоптиков: после короткого кинжального похолодания наступит потепление, – объявил выступление астролога. И я неожиданно услышал пророчество: на пороге эпохи Водолея в месте соединения Европы и Азии произойдёт накопление энергии Доброты, и отсюда начнутся благотворные изменения в судьбе России и всего мира.

Я невольно начал вращать свой глобус и обнаружил, что Казахстан западным регионом примыкает к границе с Европой. Недалеко от этой границы и Кокчетав.

1992 г.

* * *

Этот свой давний рассказ я перечитал на американской земле, в славном городе Бостоне в декабре 2013-го. Бесхитростное повествование поразило меня: подумалось, что это не я пил чай с мёдом в чужом казахском городе, ночью, с малознакомыми москвичками и незнакомыми мужчинами – русским и таджиком. И с ужасом подумал: как изменился мир за последние двадцать пять лет! Человечество почти ежедневно содрогается от жутких терактов, выстрелов в школах и на улицах больших и малых городов в разных уголках планеты Земля. Когда же начнёт сбываться пророчество астролога? Люди устали от ненависти, в их сердцах – громадный дефицит Добра, Любви, Нежности. А ведь спасёт наш мир только Любовь.

Приписка эта сделана вопреки законам жанра. Но я не мог её не написать. Оправдывает меня то, что я и автор, и переводчик.

Леонид Леванович (Леонов) родился в 1938 году в д. Клеевичи Костюковичского района Могилёвской области. Окончил факультет журналистики БелГУ. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат литературной премии Ивана Мележа и премии Федерации профсоюзов Беларуси. Живёт в деревне Петрилово Вилейского района Минской области.

